

Глава 11

Спустя два часа Дуань Аньло освободил дух Ли Цзунчжи и увидел, что тот стал значительно плотнее и чётче.

— Спасибо тебе, — с благодарностью произнёс Ли Цзунчжи. — Я думал, что вот-вот исчезну.

Дуань Аньло зажёг для него ещё одну палочку благовоний для укрепления души, после чего с недоумением спросил:

— За это время за тобой не приходили ловцы душ?

— Ловцы душ? Какие ещё ловцы душ? — растерянно переспросил Ли Цзунчжи.

Дуань Аньло нахмурился. Неужели в преисподней что-то стряслось?

Он отогнал тревожные мысли.

— Перед уходом ты хочешь её увидеть?

Ли Цзунчжи с горькой улыбкой покачал головой.

— Не смею. Боюсь, она расстроится ещё больше, а я, увидев её, не смогу уйти. Я был плохим мужем, я так виноват перед ней.

— Но ты хороший человек. Ты спас жизни тех детей и тем самым спас их семьи. Ты жалеешь, что пожертвовал собой ради них?

— Ни капли! — без колебаний ответил Ли Цзунчжи. — Я бывший военный, спасать людей — это инстинкт. Пока я дышал, я не мог просто стоять и смотреть, как гибнут дети. Больше всего я виню себя перед женой. Когда я служил, она так долго меня ждала, мы почти не виделись. Когда мы наконец смогли быть вместе, я хотел дать ей всё самое лучшее. Я часто думал, за какие заслуги мне досталась такая замечательная женщина.

При этих словах глаза Ли Цзунчжи увлажнились. Он попытался смахнуть слёзы, но они лишь сильнее потекли по щекам. Улыбка, которую он попытался изобразить, была горше слёз.

— Простите, что я так раскис. Моя жена — удивительная женщина. Она умна, талантлива, все её коллекции одежды становятся хитами, она зарабатывает больше меня...

Он расхваливал жену целых две минуты, пока не понял, что это сейчас неуместно, и смущённо замолчал.

— Когда я умер, я видел, как она убивается горем, и не мог уйти. Боялся, что она наложит на себя руки или с ней случится беда. Хотел дождаться, пока ей станет немного легче. А потом я заметил внутри неё что-то чёрное. Я чувствовал, что это не к добру, и изо всех сил сдерживал эту тьму, не давая ей разрастись.

— Ты снова её защитил.

— Так и должно быть. Она моя жена, кто же её защитит, если не я? — Ли Цзунчжи сокрушался лишь о том, что больше не сможет быть её опорой. Он корил себя за то, что после ухода из армии забросил тренировки. Во всём была только его вина.

Дуань Аньло больше ни о чём не спрашивал.

— Тебе пора. Иначе твоя душа развеется. У тебя есть последнее желание?

— Я хочу, чтобы она была счастлива. Смогу ли я встретить её в следующей жизни?

Дуань Аньло никак не мог понять, в чём магия любви, почему она так пленяет души, что одной жизни оказывается мало и люди жаждут продолжения в следующей.

— Ты был праведником в шести перерождениях, а в этой жизни совершил подвиг. Скорее всего, в преисподней тебе устроят скорейшую реинкарнацию.

Лицо Ли Цзунчжи поникло.

— Значит, мы не встретимся?

— У тебя есть ещё какие-то напутствия для неё? Как ей жить дальше?

Ли Цзунчжи улыбнулся.

— Пусть найдёт того, кто будет любить её ещё сильнее, кто сможет защитить её и подарить счастье. О моих родителях пусть не беспокоится. У нас с боевыми товарищами договор: кто бы ни погиб первым, остальные позаботятся о его родителях до самого конца.

Дуань Аньло зажжёт благовония.

— Я передам ей твои слова. А теперь я провожу тебя.

***

Отправив дух Ли Цзунчжи, Дуань Аньло вошёл в соседнюю комнату. Его взгляд смягчился при виде Хань Ин, которая до крови искусала губы, но не издала ни звука.

— Ты слышала его слова?

Хань Ин судорожно кивнула.

— Слышала. Он велел мне жить, и я буду жить. Я буду счастливее всех на свете. Он не решился увидеться со мной, значит, так тому и быть. Пусть уходит со спокойной душой.

Дуань Аньло видел, что, несмотря на безутешное горе, мыслей о смерти у неё больше не было. Слова Ли Цзунчжи дошли до её сердца.

Судя по её судьбе, она больше не выйдет замуж. Возможно, она понимала, что никогда не найдёт мужчину, который любил бы её так же сильно, и потому предпочла остаться одна.

Дуань Аньло не видел в этом ничего плохого. Мужчине не обязательно жениться, чтобы исполнить долг продолжения рода. А женщине не обязательно выходить замуж и посвящать себя мужу и детям, чтобы не считаться отступницей. Если она может сама себя обеспечить, позаботиться о близких и счастлива быть одна, то пусть так и будет.

Он когда-то знал одну богатую даму, которая так и не вышла замуж, зато содержала больше дюжины молодых любовников и каждый вечер решала, с кем провести ночь, бросая кости. Люди осуждали её, поливали грязью за распутство, но она лишь смеялась и говорила, что

только ей известно, насколько прекрасна её жизнь.

Хань Чжэнь и не предполагал, что сестра решит больше не выходить замуж и направит всю свою энергию на него. Уходя, она, с покрасневшими глазами, бросила ему:

— В следующий раз принесёшь худший балл в классе — я тебя выпорю!

Хань Чжэнь почувствовал, как у него по спине пробежал холодок. Неужели всё так серьёзно? Он же её родной брат!

Сердце его сжималось от тоски, но жаловаться было некому. Следуя принципу «делиться счастьем с ближним», он после обеда поймал такси и поехал в книжный магазин.

Всевозможные сборники для подготовки к экзаменам — «Три года до экзаменов, пять лет моделирования», «Сокровищница для абитуриента», «Обязательные задачи для старшей школы» — он решил скупить их все.

Он с серьёзным видом распределял покупки:

— Мне один, Цзян Юаню — один. Мне ещё один, Цзян Юаню — два. Так... собаке — один, Цзян Юаню — ещё один. Моему соседу по парте — один, Цзян Юаню — снова один!

Распределение было предельно честным и справедливым.

***

Ничего не подозревающий Цзян Юань на своём новом скутере отправился за покупками.

В доме не хватало самых необходимых вещей. Жара наступала, и хотя на кондиционер денег не было, вентилятор был просто необходим. Крышу тоже нужно было подлатать: летом начнутся дожди, и спать под струями воды, как в пещере Водного Занавеса, было невыносимо. Он-то потерпит, а вот Прадеду-основателю такие условия не подходят.

Когда Цзян Юань уехал, Дуань Аньло, поразмыслив, начертал целую грудку замысловатых символов. Пятьсот лет прошло. Люди умерли, но духи-то должны были остаться? Не могли же все ловцы душ перевоплотиться?

Он хотел узнать, не случилось ли чего в преисподней. Почему дух Ли Цзунчжи так долго оставался неприканным, и никто за ним не пришёл? Ли Цзунчжи был праведником в шести поколениях, к тому же бывшим солдатом с железной волей и под защитой государственной удачи. Обычный человек на его месте давно бы потерял рассудок и превратился в блуждающего духа, а набравшись тёмной энергии, начал бы вредить людям.

После того как он сжёг послание, прошло немало времени, прежде чем пепел сложился в одно слово: «Заняты».

Дуань Аньло с сочувствием ответил: «Соболезную».

Везде нужны рабочие лошадки. Даже духам живётся нелегко.

Внезапно пришёл ещё один ответ, на этот раз торопливый и взволнованный: «Ты кто такой?»

Дуань Аньло ответил: «Твой батя».

Ответ был: «!!!»

***

Цзян Юань давно не чувствовал себя таким состоятельным. Он нанял рабочих, чтобы починить крышу и окна, а на обратном пути купил для Дуань Аньло фруктов и семечек.

Все деньги, что дал ему Прадед-основатель, он потратил дочи́ста. На оплату кредита в следующем месяце придётся снова зарабатывать.

Но мальчик не унывал. Напротив, он был полон энергии. Пока рядом Прадед-основатель, есть надежда. Жизнь уже налаживается.

Дуань Аньло, щёлкая семечки, неожиданно чихнул. Цзян Юань тут же подбежал с вымытыми фруктами.

— Прадед-основатель, вы в порядке?

Дуань Аньло потёр нос. Кончик носа почему-то чесался, и его пробрал лёгкий озноб.

— Юань'эр, принеси-ка мне куртку.

Цзян Юань выглянул на улицу. В такую жару Прадеду-основателю холодно? Он ведь заметил, что цвет его лица стал немного лучше, так почему он всё ещё так слаб?

Цзян Юань вынес ему стул и поставил у входа.

— Если греть спину на солнце, это добавит энергии ян. Прадед-основатель, вам нужно больше греться.

Дуань Аньло уселся на стул и принялся смотреть сериал. Внезапно в дверном проёме выросла тень, отрезав его от солнца.

Дуань Аньло поднял голову. Боже, какая тьма! Но нет, сам незнакомец был бледен — это его аура была чернее ночи!

Сы Цан смотрел сверху вниз на Дуань Аньло, скрючившегося в старом плетёном кресле. Его высокая фигура полностью закрывала солнечный свет, погружая Дуань Аньло в тень.

— Простите, здесь есть мастер? — Голос был низким и, под стать его ауре, холодным.

Дуань Аньло моргнул, и длинные ресницы отбросили лёгкую тень на щёки. Знакомый до мозга костей запах ударил в самое сердце, принеся с собой жгучую боль судьбоносной связи.

Он незаметно окинул взглядом незнакомца. Перед ним стоял человек с редчайшей пурпурно-золотой аурой великой удачи, но сейчас она была разъедена густой, как смола, тьмой. И что самое странное, эта губительная скверна... была точь-в-точь как та, что отравляла и его собственное существование.

Дуань Аньло медленно поднялся. Его макушка едва доставала до мочки уха Сы Цана. Неужели это тот самый несчастный?

Сы Цан тоже изучал его, слегка нахмурившись.

Белая змея в его духовном сознании металась в агонии. Этот дух, почти достигший стадии дракона-цзяо, всегда был невероятно надменным, но по какой-то причине он рвался к этому человеку. А сейчас змея и вовсе обезумела, пытаясь разорвать узы договора «господин-слуга», чтобы броситься к нему.

Он же такой хрупкий, что если она его до смерти затискает?

Сы Цан мысленно прижал голову змеи, приказывая ей успокоиться.

Дуань Аньло поднял руку и провёл пальцами по груди Сы Цана. Бушующая тьма послушно втянулась в его ладонь, обнажая истерзанную пурпурно-золотую ауру и сияние накопленных заслуг. Это была медаль, выкованная из крови бесчисленных злых духов, — багровый закат, окутанный чёрным туманом, свет, испещрённый болезненными пятнами.

Сы Цан почувствовал, как бремя, давившее на его душу всё это время, исчезло. По телу разлилось тепло, словно он сбросил тысячепудовые оковы.

Теперь Дуань Аньло был уверен: перед ним тот самый второй несчастный.

Он очнулся в тесном гробу. Сырость, мрак, удушливый запах гниющей плоти и прелой земли.

Такой запах бывает лишь там, где земля пропитана кровью и останками множества существ, — типичное место для возвращения мертвецов.

В его сознании всплыли обрывки чужих воспоминаний. Их было немного, но и этого хватило, чтобы Дуань Аньло замер от потрясения. Неужели прошло пятьсот лет, и он возродился в чужом теле?

Он в волнении попытался встать, но не смог сдвинуться с места. Всё его тело было связано, а рядом лежал кто-то ещё. В крошечной тьме было не разглядеть, но он чувствовал, как его собственная тёмная энергия перетекает туда.

Лишь благодаря Цзян Юаню, вовремя подоспевшему, он выбрался из гроба.

Рядом с ним лежала соломенная кукла, одетая в такое же алое свадебное одеяние. К её груди гвоздём от гроба была прибита табличка с датой рождения.

Тогда Цзян Юань до смерти перепугался и спросил, не его ли это прабабушка-основательница.

Дуань Аньло, вспомнив сон перед пробуждением, решил, что его женили на мертвеце. В ярости он вышвырнул куклу из гроба и призвал небесную молнию, которая уничтожила проклятую формацию.

Но теперь он понял: та соломенная кукла была заменой этого несчастного.

Первоначальный владелец этого тела родился в час инь, в день инь, в год инь — редчайшее тело Девяти Инь. Его запечатали в гробу заживо, обрекая на мучительную смерть. Захороненный в час крайней инь, он был обречён после смерти стать могущественным мстительным духом.

Но его запечатали в гробу, подавив киноварью. Став духом, он не мог выбраться и всю свою ненависть обрушивал на того, кто был связан с ним судьбой.

Чем дольше он был заперт, тем сильнее становилась его злоба, и тем быстрее она разъедала

ауру связанного с ним человека. Какая бы великая судьба ни была у того, она была обречена обратиться в прах. Бесконечный круг мучений.

Какой дьявольский замысел! Мало того что первоначального владельца этого тела обрекли на вечные муки, так ещё и этого несчастного решили низвергнуть с небес в самую грязь.

Если бы не его перерождение, первоначальный владелец тела, как и было описано в книге, через три года был бы случайно освобождён, после чего начал бы убивать и захватывать чужие тела, оставив за собой столько трупов, что Цзян Юаню пришлось бы исписать десять страниц в своей тетради.

Теперь всё стало на свои места. Он поглотил удачу этого человека, создав пустоту, из-за чего его собственная тёмная энергия начала перетекать к нему. Только такая мощная аура удачи и огромные заслуги могли заставить Небесный Дао даровать ему возрождение.

Осознав это, Дуань Аньло похолодел.

Такой долг ему не вернуть!

И вот теперь обманутый страдалец явился по его душу. Он почувствовал, что его удачу украли, что его ауру отравили, и пришёл мстить?

Глаза Дуань Аньло сверкнули. Он вдруг опёрся о стену и закашлялся так сильно, что его худые плечи затряслись, словно осенний лист на ветру. Казалось, он вот-вот умрёт.

— Кх-кх... Мастер? Какой мастер? Господин, вы, должно быть, ошиблись адресом.

Сы Цан смерил его ледяным взглядом. Из его горла вырвался тихий смешок, в котором не было и тени веселья.

— Не притворяйся. Твоя аура являлась мне во снах. Это ты сломал мне ногу, и она болела целый месяц.

Дуань Аньло медленно отступал назад, лихорадочно соображая. «Всё, конец. Он всё помнит».

— И ещё, — Сы Цан двумя пальцами схватил его за воротник и притянул к себе, его взгляд был холоден, как у мертвеца, — почему моя удача и мои заслуги — на тебе?

На лице Дуань Аньло всё ещё было написано страдание, но мысли в его голове заметались с бешеной скоростью, перебирая варианты отступления. Увидев, как во взгляде незнакомца разгорается жажда убийства, он принял внезапное решение. Одним движением он обхватил Сы Цана за талию, уткнулся лицом ему в грудь и с горечью воскликнул:

— Демон ты мой... Наконец-то я тебя нашёл!

Сы Цан, готовый к убийству, застыл на месте.